

Цзи Юйцзинь посмотрел на лисий мех на столе и сказал:

— Ц-ц, твой лисий мех тонковат. На горе Юй довольно холодно.

Чу Фэнцин: «.....»

Если бы перед ним не лежала его лисья меховая накидка, которая могла бы вместить два его лисьих меховых пальто, он бы поверил.

Но... почему он должен ехать на зимнюю охоту?

Цзи Юйцзинь, казалось, прочитал его мысли и сказал:

— Его Величество особо упомянул твоё имя и внёс его в список на зимнюю охоту.

Чу Фэнцин был озадачен:

— Его Величество?

По логике, он встречался с императором лишь однажды, так как же император мог особо упомянуть его имя?

Цзи Юйцзинь кивнул:

— Эн, я поручу кому-нибудь проверить.

Он закрыл глаза, выглядя очень уставшим:

— Конечно, если ты не хочешь ехать, это тоже нормально. Я просто съезжу прогуляться со старым императором.

Чу Фэнцин: «.....»

Только Цзи Юйцзинь мог сказать такое о прогулке с императором.

Но...

Чу Фэнцин покачал головой и сказал ему:

— Я поеду.

Он хотел увидеть, кто нацелился на него снова и снова.

Зимняя охота через пять дней. Поскольку оба господина должны сопровождать, всё поместье Цзи гудит от приготовлений. Об этом аспекте нужно позаботиться. Если чего-то не хватит на горе, с этим будет трудно справиться.

В комнате Чу Фэнцина не было слуги. Управляющий хотел подобрать ему кого-нибудь на следующий день после свадьбы. Но он, в конце концов, был мужчиной, ему не подобало, чтобы к нему приставляли слугу-мужчину, и ему также было неловко, если бы к нему приставили служанку. К тому же личный слуга был бы для него как дополнительный фитиль для взрыва бомбы, поэтому он отказался заранее.

К счастью, Цзи Юйцзинь тоже был грубым человеком, и у него даже не было никого, кто прислуживал бы ему лично, так что он не считал, что Чу Фэнцин чем-то отличается.

Чу Фэнцин болел много дней и откладывал дело своего отца. После выздоровления он был занят несколько дней, прежде чем приготовил лекарство. Однако он никогда раньше не видел этот яд и не знал, будет ли оно полезным.

Ему всё ещё нужно снова пойти в тюрьму...

Тайную линию с прошлого раза больше нельзя использовать. Что же ему делать дальше... Пока он думал, его взгляд слегка переместился, и он вдруг увидел жетон на столе.

Чу Фэнцин подошёл ближе и поднял жетон. На жетоне были выгравированы два больших иероглифа: «Сичан». Это явно был жетон Цзи Юйцзиня. Они с Цзи Юйцзинем теперь были не в одном дворе, так что нельзя было сказать, что он потерялся случайно. Единственное объяснение — это было сделано намеренно.

Он крепче сжал жетон. Оказывается, Цзи Юйцзинь всё знал.

Вся охрана для зимней охоты на этот раз была организована Цзи Юйцзинем, так что он стал занят. Когда он всё устроил, то выглянул наружу и увидел, что уже глубокая ночь. Он устало потёр висок.

Его раны ещё не полностью зажили, а теперь ему приходилось работать без остановки целыми днями. Даже Цзи Юйцзиню это казалось немного чрезмерным, и под его глазами залегли тёмные круги.

Ли Юй лежал на столе, словно дохлый пёс:

— Если бы мне дали ещё один шанс, я бы определённо не выбрал Цзиньвэй.

Он изначально думал, что форма Цзиньвэя красива, названия их мечей приятно звучат, и они выглядят очень круто, когда выходят. Он никогда не ожидал, что будет столько дел!

У Цзи Юйцзиня не было сил болтать с ним, поэтому он спросил:

— Как продвигается расследование дела семьи Чу?

Ли Юй промычал несколько раз и сказал:

— Я как раз собирался доложить тебе об этом.

Он выпрямился из-за стола и выглядел немного серьёзнее:

— Там и впрямь что-то нечисто. Я изначально думал, что человек, который погубил семью Чу, хотел должность главы Ведомства налогов и сборов, но ты опередил его на шаг и поставил на это место одного из наших людей. Я думал, что семье Чу просто не повезло, но после проверки я обнаружил, что там было кое-что ещё.

— Похоже, у твоего тестя в руках что-то невероятное, но я не знаю, что именно. Твой тесть — дотошный человек, и то, что он прячет, действительно трудно найти.

Он без конца называл его тестем и слева, и справа, отчего Цзи Юйцзинь чувствовал себя немного неловко.

Ли Юй продолжил:

— Твой тесть теперь стал дурачком, и заставить его вытащить эти вещи невозможно. Если ты действительно хочешь вытащить его, это тоже не трудно. Просто найди замену и прикончи его.

Цзи Юйцзинь подпёр подбородок в раздумье. Не то чтобы он не думал об этом методе раньше, но если использовать этот метод, Чу Чжэньинь больше никогда не увидит дневного света, и большая семья Чу никогда больше не сможет стать учёными. Самое главное...

Думая о том человеке в его доме, сердце Цзи Юйцзиня забилось немного быстрее. Он издал звук «Ц-ц» и нахмурился. Ему было всё равно, главное — он не хотел, чтобы она была несчастна.

Поэтому эта идея была отвергнута им почти сразу же, как только возникла.

Видя его таким, Ли Юй почти угадал его мысли и сказал:

— Трудно отменить приговор, даже если ты захочешь. Другие в тени, а мы на свету. Не говоря уже о благоприятных доказательствах, я даже не знаю, где сейчас искать улики. Сейчас уже слишком поздно. Некоторые следы давно замели. Будь это на месяц или два раньше, я бы сделал это для тебя. В конце концов, какие у нас отношения? Твой тесть — тоже мой тесть.

Цзи Юйцзинь взглянул на него.

Ли Юй: «.....»

Цзи Юйцзинь:

— Не болтай чепухи.

Ли Юй моргнул и сначала не отреагировал. Когда он наконец понял, его миндалевидные глаза расширились, и он недоверчиво сказал:

— Не может быть, Большой Брат, я даже не говорил, что твоя жена — моя жена, я только признаю тестя, и это уже невозможно! Я даже не просил тебя быть моим отцом! Ты такой мелочный, ты всё ещё Цзи Юйцзинь?!

Выражение лица Цзи Юйцзиня застыло:

— Цин...

Ли Юй:

— Чёрт! Цзи Юйцзинь, если ты посмеешь позвать Цин Няо, мы сегодня же закончим нашу дружбу! Немедленно!

Видя, что рука Цзи Юйцзиня ещё не опустилась, Ли Юй немедленно смягчился:

— Большой Брат, я больше не смею. Я был неправ. Твой тесть — твой тесть. Я больше не признаю его своим.

Шум Ли Юя сильно раздражал Цзи Юйцзиня. Было довольно хитро, что за столь долгое расследование не нашлось благоприятных доказательств. Единственное, в чём он мог быть уверен, — это дело связано с теми принцами, и ни с кем из них не легко иметь дело.

Такая головная боль.

Хотя у него болела голова, он всё же позвал Цин Няо, потому что Ли Юй был слишком шумным.

Глядя на Ли Юя, связанного Цин Няо, Цзи Юйцзинь почувствовал себя немного лучше и затем спросил Цин Няо:

— Цин Няо, расскажи мне, что ты выяснил.

Цин Няо отвечает за скрытую линию, в то время как Цзиньивэй Ли Юя — это видимая линия Сичана.

Ли Юй:

— Раз ты уже попросил Цин Няо проверить! Почему ты всё ещё просишь меня проверить?!

Цзи Юйцзинь полуоткинулся вперёд и лениво сказал:

— Чтобы ты осознал, насколько ты бесполезен.

Ли Юй: «.....»

Цин Няо поклонился Цзи Юйцзиню и рассказал ему всё, что он узнал за последнее время.

— Браку между Третьей юной госпожой семьи Чу и вами помешал Второй принц.

Цзи Юйцзинь:

— Второй принц?

Цин Няо:

— Второй принц был помолвлен с Госпожой раньше, но Чу Чжэньинь потерял власть, поэтому он хотел расторгнуть помолвку, потому что тот больше не был полезен. Поэтому он умолял Ли Гуйфэй, и Ли Гуйфэй попросила Его Величество даровать вам этот брак.

Он даже повторил то, что Ли Гуйфэй сказала императору:

— «Ваше Величество, Третья юная госпожа семьи Чу теперь дочь преступника. Как она может выйти замуж за принца? Разве это не потеря лица для нашей королевской семьи?»

— «Но если помолвка Третьей юной госпожи была расторгнута, а её отец теперь совершил такое тяжкое преступление, какой молодой человек осмелится жениться на ней в будущем? Это действительно прискорбно. Если хотите знать моё мнение, Ваше Величество должны проявить милосердие и даровать ей другой брак».

— «У меня есть хороший кандидат. Что вы думаете о господине Цзи, Главе Сичана? В конце концов, Третья юная госпожа — чистая и честная дама из аристократической семьи, и мы не обидим господина Цзи».

— «К тому же у этих двоих определённо не будет потомства в будущем. Я слышала, что генерал Чу погиб на поле боя, а второй сын семьи Чу — больной человек, который не проживёт много лет. Это не позволит передаться кровной линии этого преступника из семьи Чу. Что вы думаете?»

Цзи Юйцзинь слушал пересказ Цин Няо, его глаза потемнели:

— Чжао Июй...

Ли Юй на мгновение опешил:

— Это и впрямь бессердечно. Его тесть в беде, он даже не предложил помочь и без колебаний расторг помолвку, да ещё и использовал столь хитроумное решение.

Цин Няо продолжил:

— Что касается дела о коррупции Чу Чжэньиня, Чжао Ли уже добыл кое-какие доказательства и попросил кого-то доставить их сюда. Мы поговорим о деталях, когда доказательства придут.

Цзи Юйцзинь кивнул:

— Хорошо.

С этими словами он встал, стряхнул несуществующую пыль с одежды и направился к выходу.

Видя, что Ли Юй уставился на него, он любезно объяснил:

— Моя жена ждёт меня дома. Уже поздно, и если я не вернусь, она будет волноваться.

Он изогнул нижнюю губу и сказал:

— О, я забыл. Ты один, и ты не поймёшь.

Ли Юй: «.....» Чёрт, мне и впрямь хочется кого-нибудь укусить.

После ухода Цзи Юйцзиня Ли Юй взглянул на Цин Няо и сказал:

— Большой Брат, твой хозяин уже ушёл, ты можешь меня развязать?

Цин Няо склонил голову набок и сказал:

— Хозяин не говорил, поэтому я не могу вас развязать.

Ли Юй забеспокоился. Он забыл, что Цин Няо упрям. Он слушал только слов Цзи Юйцзиня.

— Нет, ты же не планируешь связывать меня на всю ночь?

Цин Няо моргнул и сказал:

— Когда Хозяин скажет развязать, Цин Няо развяжет.

Ли Юй:

— Чёрт, вы все сумасшедшие.

Цин Няо, стоявший в стороне, имел отсутствующее выражение лица, словно ничего не слышал.

О смертоносности слова «отец».

После того как Цзи Юйцзинь вернулся домой, он спросил Управляющего Мо:

— Госпожа выходила сегодня?

Управляющий Мо покачал головой и сказал:

— Нет, Госпожа весь день в доме.

Цзи Юйцзинь нахмурился в замешательстве. Он подошёл к комнате Чу Фэнцина. Свет в комнате всё ещё горел. Когда он уже собирался постучать в дверь, она открылась изнутри.

Чу Фэнцин ждал его и, увидев, что он пришёл, просто сказал:

— Вы пришли.

Цзи Юйцзинь:

— Эн.

Он вошёл в комнату. Это явно была его комната, но она казалась немного незнакомой. Обстановка в комнате не сильно изменилась, и было очевидно, что Чу Фэнцин изо всех сил старался сохранить её первоначальный вид.

Но вся комната была наполнена ароматом Чу Фэнцина, словно красные цветы сливы в снегу, с оттенком сливового аромата, скрытого в холоде.

На столе лежала недочитанная книга, которую он только что читал, и ветер, врывавшийся из окна, шелестел её страницами.

Чу Фэнцин протянул жетон и сказал:

— Я верну это вам.

Цзи Юйцзинь сидел на стуле и постукивал пальцами по столу, но не взял жетон:

— Ты не хочешь пользоваться моими вещами?

Чу Фэнцин поджал губы и покачал головой:

— Вы не можете ввязываться в это дело.

Цзи Юйцзинь улыбнулся:

— Ты тревожишься обо мне?

Чу Фэнцин: «.....» Хотя ему всегда казалось, что тревога, о которой говорил Цзи Юйцзинь, — это не то же самое, что его тревога.

Цзи Юйцзинь:

— Ничего, просто пользуйся. Пока ты не проделаешь дыру в небе, я всегда найду способ помочь тебе.

Он видел, как она прилагала столько усилий, просто чтобы попасть в тюрьму, и был очень недоволен, что его жене приходилось искать помощи так далеко. Однако он ничего не говорил. Он ждал, когда этот человек однажды придёт умолять его, но ждал, ждал и так и не дождался. Она была очень гордой, так что ничего не поделаешь, он мог только сам прийти к ней.

Чу Фэнцин хотел что-то сказать, но Цзи Юйцзинь сказал первым:

— На самом деле, с тех пор как ты вышла замуж, я уже был втянут в это дело. Ты такая умная, не может быть, чтобы ты не знала.

Чу Фэнцин промолчал в знак согласия и мягко сказал:

— Простите.

Он не хотел впутывать Цзи Юйцзиня, но тот уже был втянут в это дело.

Цзи Юйцзинь на мгновение опешил, а затем громко рассмеялся:

— Ты что, дурочка? Я пойду с тобой завтра, у меня там тоже есть кое-какие дела.

На следующий день Чу Фэнцин снова отправился в тюрьму. На этот раз Цзи Юйцзинь отвёл его прямо туда. Обращение с ними было совершенно иным. Все были очень почтительны к ним.

В тюрьме было темно и холодно. Зловоние ударило им в нос, прежде чем они даже вошли. К счастью, ни один из них не был притворным человеком, и их выражения лиц не изменились.

Солома на земле и снеговая вода, которая натекла внутрь, смешались, и каждый раз, когда они наступали, на них попадала грязная вода. Они были одеты в великолепные одежды. Цзи Юйцзинь был в красном и торжественном, а Чу Фэнцин — в белоснежном лисьем мехе, что было неуместно в этой обстановке.

Цзи Юйцзинь посмотрел на грязную воду под ногами и не мог не нахмуриться. Не потому, что боялся испачкать обувь, а потому, что увидел немного грязи на туфлях Чу Фэнцина.

Чу Фэнцин подошёл к Чу Чжэньиню с коробкой для еды и позвал:

— Отец.

Глаза Чу Чжэньиня были мутными и расфокусированными. Услышав голос Чу Фэнцина, он слегка поднял голову и взглянул на него, но, казалось, не услышал. Он быстро отвернулся, прислонился головой к земле и небрежно рисовал на земле пальцем, бормоча себе под нос, и никто не знал, что он говорил.

Цзи Юйцзинь взглянул на Чу Чжэньиня, у которого были спутанные волосы и который был грязным. Он был похож на безумца. Трудно было представить, что это был суровый глава Ведомства налогов и сборов.

Чу Фэнцин протянул ему миску с лекарством. К счастью, хотя он и был безумен, у него не было отвращения к еде. Он ел всё, что ему давали. Пока он пил лекарство, Чу Фэнцин проверил его пульс. Он всё ещё был расстроен, и улучшений не было. К счастью, на этот раз его никто не торопил, так что он мог тщательно проверить.

Чу Фэнцин взглянул на Цзи Юйцзиня и спросил:

— Могу ли я войти?

Цзи Юйцзинь махнул тюремщику. Тюремщик сначала немного колебался, но, подняв глаза, увидел недовольство в глазах Цзи Юйцзиня и поспешно достал ключ с пояса и открыл дверь.

Дверь тюрьмы была чрезвычайно низкой, и всякий, кто входил, должен был наклоняться и опускать голову. Цзи Юйцзинь нахмурился и протянул руку, чтобы защитить и не дать Чу Фэнцину случайно удариться головой о дверную перекладину.

После того как он вошёл, Цзи Юйцзинь нашёл предлог, чтобы уйти, оставив время для них двоих.

Но он не ушёл далеко. Большинство людей в Небесной тюрьме были крайне злы. Он немного волновался, если уходил слишком далеко. Осознав своё нынешнее состояние духа, Цзи Юйцзинь издал звук «Ц-ц». Почему ему казалось, что его жизнь обречена?

Он нашёл место и небрежно сел. Через некоторое время он велел тюремщику убраться. Пол был действительно слишком грязным, и Чу Фэнцину снова придётся идти по этой дороге, когда он выйдет.

Тюремщик, убиравший тюрьму: «.....» Никогда в жизни не испытывал такой потери дара речи. Мне и впрямь приходится убирать тюрьму!?

Чу Фэнцин осмотрел обстановку — еда, питьё, испражнения в одной и той же среде, естественно, не могли быть намного лучше. Он взглянул на тонкую чашку и тюремную форму на теле своего отца, след жалости промелькнул в его глазах, и он мягко сказал:

— Отец, вы настрадались.

С этими словами он снял свою лисью меховую накидку и обернул её вокруг отца, затем достал серебряную иглу. Лекарство действовало слишком долго, и он не мог больше ждать, поэтому хотел попробовать серебряную иглу.

Чу Чжэньинь на мгновение опешил, когда тёплый лисий мех надели на него, и проблеск радости появился на его лице.

Чу Фэнцин собрал его спутанные волосы и мягко сказал ему:

— Отец, я помогу вам вылечить вашу болезнь. Можете ли вы пообещать мне не двигаться?

Чу Чжэньинь склонил голову набок и посмотрел на него. Неизвестно, остались ли у него ещё какие-то воспоминания или что-то ещё, но он долго смотрел на его лицо и даже протянул руку, чтобы коснуться его.

Чу Фэнцин потёрся лицом о его руки, его глаза изогнулись.

Цзи Юйцзинь только что сказал своим подчинённым улучшить условия содержания Чу Чжэньиня и не скупиться на его питание. Подождав некоторое время без признаков прогресса, он потерял терпение и встал, чтобы пойти самому.

Чу Фэнцин снял свою лисью меховую накидку. По логике, он должен был дрожать, так как боялся холода, но иглоукалывание отнимало слишком много его энергии и концентрации, и теперь капли пота уже выступили на его лбу.

В следующий миг рука коснулась его головы. Всё ещё неясные глаза Чу Чжэньиня отражали его лицо, словно он был ему немного знаком, но не настолько. Его отец снова коснулся его лица. Теперь он был немного сбит с толку и с сомнением спросил:

— Циньэр?

Услышав слова «Циньэр», Цзи Юйцзинь замер.

<http://bllate.org/book/17231/1616055>